

Сюжетика внутрисемейных перипетий, продиктованных, по-видимому, самой тусклой действительностью, впрочем, уж слишком мелка, и поэтому на передний план в ущерб изобразительной пластике все чаще выходит обыкновенная фактография. Координаты времени и места четко прорисованы в каждом произведении Апдайка, но еще никогда писатель не включал в художественную ткань так много «сырого», сиюминутного газетно-телевизионного материала. Первые рецензенты романа в США ухватились за промелькнувшие в тексте слова о «смерти «холодной войны» в связи с освободительным движением в странах Восточной Европы. «Прежде было что-то, ради чего хотелось вставать по утрам», — говорит однажды Кролик, ощущая растерянность перед вождельным «крахом коммунизма». Но даже если бы дело действительно обстояло так для Кролика, у «среднего американца» под занавес XX века остается слишком много проблем, чтобы считать свою миссию в жизни завершённой.

Порой страдающий надуманностью, рыхлый и многословный, написанный за исключением двух-трех сцен без особого «огонька», роман Дж. Апдайка — не лучший у него — был удостоен старейшей в США литературной Пулицеровской премии. Сам по себе факт еще мало о чем говорит: среди лауреатов премии в не очень далеком прошлом значились Джон Стейнбек, Эрнест Хемингуэй, а вместе с тем и такие откровенные ремесленники, как Аллен Друри, Джеймс Миченер. В то же время мнение жюри «Пулицера» в чем-то показательно. Нет оснований опровергать бытующее суждение, что на пороге 90-х литература Соединенных Штатов привлекает скорее многолюдьем и внешней пестротой, нежели оригинальностью замыслов и успешным их воплощением.

А. МУЛЯРЧИК

НЕВЕСЕЛОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ЧЕХОВ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ИХ СТРАНЫ

Последняя книга Павла Тигрида «Карманный путеводитель по собственной судьбе для интеллектуалки»¹ претендует на новое истолкование истории Чехо-Словакии XX века. Впрочем, новое ли? Многое известно, просто впервые столь объемно напечатано черным по белому.

Павел Тигрид, чешский литератор и общественный деятель, более пятидесяти лет живущий за рубежом, взял на себя кропотливую, тяжелую, но благородную миссию: дать поколению чехословацкой молодежи, выросшему в практически оккупированной стране, представление о ее сложной

судьбе, привести объективные, а не подтасованные факты, осмыслить путь Чехо-Словакии как небольшого, но очень важного кораблика, испокон веков плавающего среди колоссальных рифов сверхдержав, постоянно занятых разделом между собой сфер влияния. Тигрид попытался придать этому своеобразному учебнику как можно более популярную форму, вероятно, чтобы вызвать интерес к нему молодежи, выросшей довольно апатичной: она хочет хорошо жить, не слишком задумываясь, как это «хорошо» сотворить своими руками.

Еще несколько слов об авторе «Карманного путеводителя...». Павел Тигрид — заметная фигура чешской эмиграции. В 1939 году ему удалось бежать из протектората в Лондон, где он работал на чешском вещании Би-би-си и одновременно издавал журнал «Культурни записник» на чешском и словацком языках, а также «Ревю-42» — на английском. Позже — был главным редактором еженедельников «Обзоры» и «Вывой». Февральские события 1948 года лишили Тигрида возможности вернуться на родину. В ФРГ он организовал Комитет помощи беженцам из Чехословакии, а затем был одним из создателей чехословацкой редакции «Свободной Европы», которой руководил до 1952 года.

В пятидесятые-шестидесятые годы Тигрид жил и работал в США, где начал публиковать свои книги, принесшие ему широкую известность. Назовем хотя бы «Маркс на Градчанах» (1960), «Пражская весна» (1968), «Неудержимое падение Дубчека» (1969), «Горькая революция» (1977). Тридцать пять лет возглавляет он журнал «Сведетви», посвященный культурно-общественной жизни Чехо-Словакии.

В «Карманном путеводителе...» П. Тигрид использует материалы многочисленных бесед с представителями разных поколений, споров, дискуссий, статей, на основе которых формировалась и шлифовалась его собственная точка зрения. Приведена обширная библиография.

Итак, в этой книге автор, давно живущий на чужбине чех, встречает в курортном югославском городке красивую, двадцатитрехлетнюю соотечественницу Люцию. Она работает фотографом в Праге, разведена, воспитывает пятилетнего сына и... хочет, наконец, жить лучше! Люция — типичное дитя современной Чехо-Словакии с ее вязкой, серо-обыденной жизнью, из «мещанской», как сказали бы раньше, семьи: отец строит электростанции то в Африке, то на Кубе (лишь бы не дома), мать меняет любовников да тратит мужнину валюту. В редакции журнала, где работает Люция, разговоры только об одном: где чего можно достать, где повыгоднее урвать... Как все это надоело героине книги! Вот и решает она на отдыхе кардинальный вопрос, по-женски желая пребывать в стороне от политики: остаться ли ей навсегда за границей или вернуться на родину? Беседы автора и Люции происходят на террасе, под шум морской волны. Всего бесед будет четырнадцать. Пожилому, многое повидававшему человеку предстоит ответить на вопрос молодой женщины: «Каким образом мы — а не только я, бедняжка Люция — дошли до жизни такой, кто мы, собственно, есть, к

¹ Pavel Tigrid. Kapesni pruvodce inteligenti zeny po vlastnim osudu. Praha, Odeon, 1990.

кому бы притулиться, почему нам выпала столь бесцветная судьба, о которой с уверенностью можно сказать лишь то, что она невыносимо давит на нас, не оставляя никаких надежд?»

Тринадцать остальных глав книги — вьедливое повествование человека, вглядывающегося в историю бывшей родины как бы со стороны и многое понимающего лишь сейчас. Время от времени этот рассказ перемежается вопросами Люции. Автор, то есть сам Павел Тигрид, начинает разматывать клубок исторических событий в обратном хронологическом порядке, начиная с 1968 года и доходя до XIX века.

Размышления о постыдной, зряшней оккупации Чехословакии в августе 1968-го, вероятно, самые интересные для нашего читателя, так как тема ему знакома и «близка». Рассказчик дает характеристику чехословацкой экономике тех лет — «дикой, на манер советской», рисует довольно объемный портрет Александра Дубчека — «сентиментального марксиста», «наивного и невинного оптимиста», заглядывает чуть раньше — в эру Новотного, «эру репрессий и тьмы». Неоспоримое достоинство книги в том, что в ней содержится огромное количество поразительных, пронзительных, почти невероятных и совершенно неизвестных нам фактов. Скажем, после казни репрессированного партийного деятеля Вл. Клементиса семья Новотных покупает постельное белье четы Клементисов, их дорогие ковры...

А что было бы, если бы русские не оккупировали Чехословакию? — задается вопросом Тигрид и сам же отвечает: да ничего. «Чешский эксперимент с самого начала был обречен на неудачу, даже если бы танки и не вошли в Прагу. Ибо тоталитарное никак не может быть наполовину либеральным. В 1968-м ни руководящая роль партии, ни союз с СССР под угрозу не ставились...». «Может, — считает Тигрид, — даже и хорошо, что русские вторглись в нашу страну — от этого все пришло в движение». Дальше он цитирует крупнейшего современного чешского писателя Милана Кундеры: «Весной 68-го, впервые со времен средневековья, мы оказались в центре мировой истории».

На этом стремлении — оказаться в центре внимания всего мира — следует остановиться особо, так как автор «Путеводителя...» еще не раз вернется к этой, чрезвычайно болезненной для маленькой европейской страны теме. Хочется напомнить об особенностях традиционного представления чехов о своей родине: в библиотеке Страговского монастыря в Праге хранится старинная карта Европы в виде прекрасной дамы, сердце которой — Чехия с ее глубоким национальным самосознанием, гордостью, даже щепетильностью.

Своеобразным смысловым центром книги является феномен сталинизма и связанные с ним последствия. Так, Павел Тигрид отмечает, что начавшееся в Чехословакии движение за демократизацию страны (после знаменитого доклада Хрущева) проявилось чуть ли не прежде всего в критическом отношении к СССР.

Много места уделено трагическим 1948—1950 годам, принесшим сотни тысяч жертв.

Автор с горечью констатирует, что десталинизация на его родине, продолжавшаяся пятнадцать лет, была медленной, половинчатой. Коммунистический режим в Чехословакии оказался еще более консервативным и застывшим, чем советский. Многие, слишком многие, боялись разоблачения. Общественная жизнь этого периода характеризуется застойным равнодушием. Во время венгерской революции 1956 года венгры по радио призвали чехов и словаков к солидарности, но 31 октября, когда события в Будапеште достигли наибольшего накала, в Братиславе для многих самым важным был результат хоккейного матча, а в Праге — футбольного...

«Может быть, традиция протеста была подавлена в нас лавиной оппортунизма рабочих-коллаборантов во время оккупации и усыплена «победой рабочего класса» в 1948 году?» — задает сам себе вопрос Тигрид. В 1938 году перед лицом фашистской угрозы народ готов был бороться за свою независимость, однако президент Бенеш решил за всю страну — и она капитулировала без боя. СССР выступил тогда как партнер безжалостный и циничный, заботящийся лишь о своих имперских интересах.

Люция, не желающая углубляться в политику и историю, раздражена этими экскурсами:

«— Но что тут общего с моей судьбой?»

— В истории ничего не проходит даром. Это была травма в подсознании нации. Цена ее колоссальна. Мы платим по этому счету до сих пор».

В главе, посвященной оккупации, протекторату, второй мировой войне, самыми прискорбными страницами в нравственной истории нации являются документальные свидетельства о том, что «чехи предавали немцам чехов больше, чем это можно было себе вообразить».

Представляют интерес страницы об организованном эмиграцией из Англии покушении на заместника фюрера в Праге — Гейдриха. Бенеш и здесь проявил себя как бездарный политик: сопротивление было практически уничтожено. «Зато, — отмечает Тигрид, — чехи и словаки вновь на несколько недель оказались в центре внимания мировой общественности...»

Роковым лейтмотивом через весь «Карманный путеводитель...» в качестве некоего собирательного образа проходят «Советы» и — как синоним — Сталин, преследовавший лишь одну цель: отодвинуть послевоенную границу СССР подальше на Запад и закрепить ее там окончательно. Весной 1945 года была принята так называемая «Кошицкая программа» КПЧ, истинной целью которой было не дать лондонскому правительству вернуться в Прагу в качестве полномочного.

Автор высказывает нетрадиционный для нас взгляд на Пражское восстание, что судьбу его в первые дни мая 1945 года решило участие в нем власовцев (это утверждал и Смирковский еще в 1968 г.). Миф о красноармейцах-освободителях он называет «колоссом на глиняных ногах». Когда после войны Бенеша спрашивали, почему он не опроверг этот миф, тот отвечал: «Пока что историческая правда должна уступать правде политической...»

ВИКТОРИЯ ЧАЛИКОВА: ДРУГОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ

Почему коммунисты сразу же не объявили республику советской? Сталин побоялся дополнительных насильственных действий, не желая обратиться против СССР западное общественное мнение, тем более что почва была уже вполне «удобрена» и в 1948 году она дала свой плод — «Победный февраль». Это были, возможно, самые бесславные годы в истории Чехо-Словакии — в лагеря отправлялись даже дети от смешанных браков из чешско-немецких семей. По всей стране заседали национальные комитеты, решавшие, кто немец, кто чех-коллаборант, кто просто предатель. Именно в эти комитеты и просочилось немало предателей, в свое время сотрудничавших с немцами, затем покаявшихся, откуда дует ветер, и вступивших в КПЧ. Автор приводит многочисленные примеры, как с чехословацкими немцами коммунисты поступали так же, как гестаповцы — с евреями.

В предпоследней главе автор «заглядывает» в XIX век, где ищет истоки слабости нации, и задумывается о причинах провалов первой чехословацкой республики, возникшей в 1918 году. Подробно освещается фигура Масарика, этого первого президента республики. Запоминается парадоксальное высказывание выдающегося политика: «У нас, к сожалению, нет единого лица, единого духовного начала, мало подлинных, рожденных именно в Чехии, оригинальных идей, мало характера. Мы, чехи, неясны и нечетки, как наполовину стершаяся фреска».

И все же самым убогим и застойным за весь XX век было, по мнению Тигрида, последнее двадцатилетие.

Люция: «— А Горбачев, а гласность, а перестройка?»

— Горбачев и «горбачевщина», возможно, удержатся, если станет явью все, что во имя этого провозглашается и обещается. Пока же надеяться на советский «ветер перемен», на то, что он изгонит стоялый запах, не следует».

Что же делать Люции? Нет, автор не предлагает ей никаких рецептов: «Лишь фанатики и догматики знают одну-единственную правду и ответы на все вопросы».

Что же касается самого автора... Скучает ли он, Павел Тигрид, по родине? Его ответ однозначен: «...я был тихо благодарен судьбе, что не живу там, что мне не пришлось воспитывать там своих детей, что судьба уберегла меня от испытаний, которых я, наверное, не вынес бы достойно».

Последние десять строк дописаны автором в Праге уже после «бархатной» революции. Они с Люцией сидят в пражском кафе с видом на Град, на груди у Люции значок «Havel for president»¹.

Книгу по многим причинам читаешь с болью. И одна из мыслей — не плод ли это мучительного самооправдания человека, взвешивающего на родину со стороны? Возможно, в его стороннем взгляде — сила книги, но для меня, переживающей все беды и праздники Чехо-Словакии как свои личные, — и ее слабость.

Н. ЗИМЯНИНА

Этой книге¹ суждено было стать завершающим трудом Виктории Чаликовой...

Одной из первых она обратилась к философскому анализу утопии и проблемам ее изучения в западной социологической мысли. Авторы, знакомые нам прежде по реферативным сборникам, в антологии «Утопия и утопическое мышление» заговорили наконец от своего имени. Среди них Ф. Мэнюэль, М. Ласки, Г. Гюнтер, А. Петруччани и другие. В последние годы В. Чаликова подготовила ряд блестящих аналитических статей, в которых достижения ведущих современных социологов были обобщены и дополнены собственным видением новых возможностей социального прогнозирования. Немало актуальных идей содержит и написанное В. Чаликовой предисловие к антологии.

Мысль о том, что «Запад пестовал... культуру утопии», не смешивая ее с культурой реальности», как всякое общее утверждение может показаться излишне категоричной. Однако сегодня явно обнаруживается потребность в «культуре утопии». Изменения, происходящие в духовной атмосфере общества, вынуждают сторонников политических крайностей, привыкших говорить только на языке действия, облекать свои цели в форму заманчивых лозунгов. Надо ли напоминать, что в условиях становления демократии утопизм оказывается неизбежным спутником политического экстремизма? Как правило, в его основе лежит неумение отличать воображаемое от действительного, нежелание провести четкую грань между утопическими идеалами и реальностью. Было бы наивно думать, что культура социального воображения освободит революционеров-экстремистов от их небезобидных иллюзий. Но она способна предохранить остальную часть общества от тщетных надежд на скорое и окончательное решение всех проблем. Наше дальнейшее существование немислимо без разрушения старых и новых мифов, однако мы в большинстве своем продолжаем мыслить обветшавшими понятиями уходящей эпохи.

Так уж исторически сложилось в нашей стране, что, говоря об утопии, мы не только думаем о счастливом будущем, но и вспоминаем недавнее прошлое. Отношение к утопии в новейшей истории России — тема сложная, ее серьезное исследование едва начато. Когда-то неосуществимость утопии представлялась азбучной истиной, пока советская действительность не заста-

¹ «Гавела — в президенты» (англ.).

¹ Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. Перевод с англ., нем., франц. и др. языков. Составление, предисловие и общая редакция В. А. Чаликовой. М., Прогресс, 1991.